

ТЯЖКИЙ ПУТЬ ПОЗНАНИЯ

ИНСЦЕНИРОВКА ДОКЛАДА НА ТЕМУ „THE ACADEMY AND THE CORPORATE PUBLIC“ (АКАДЕМИЯ И КОРПОРАТИВНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ)

– В ДВУХ ЧАСТЯХ –

ЧАСТЬ I – АКАДЕМИЯ

Исследовательская деятельность, богема и самоорганизация

В рамках своего исследовательского проекта „The Academy and the Corporate Public“ («Академия и корпоративная общественность») я бы хотел порассуждать об отношениях академии (как дискурсивного поля изобразительных искусств) и общественности; отношениях, переживающих глубинные изменения под воздействием глобальной корпоративной экономики.

Прямым следствием этих изменений становятся, как мне кажется, пересмотр роли художника в обществе и новый подход к преподаванию и исследовательской деятельности.

Итак, какую же роль играют в этом процессе институциональные исследования, самоорганизация и богема?

Губительное влияние неолиберальной политики на искусство, образовательные учреждения и общество в целом прослеживается с каждым годом все явственнее. На фоне глобального коллапса финансовых рынков становится очевидно, что процесс проникновения корпораций в такие публичные структуры, как университеты, зашел непоправимо далеко.

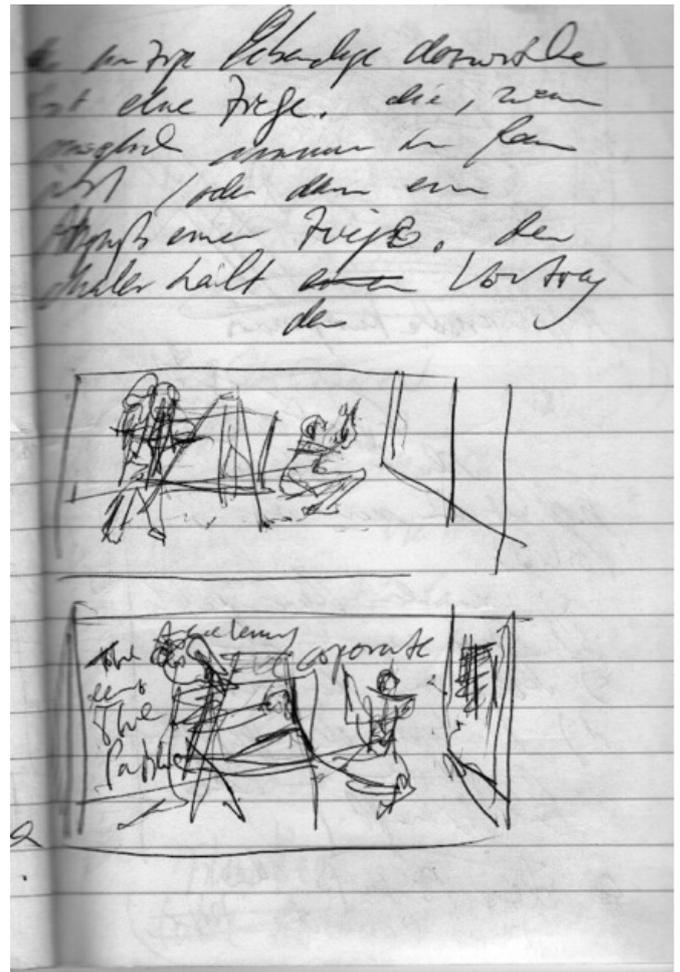
Наши образовательные учреждения превратились в руины неудавшихся гегемониальных проектов: патриархата, неолиберализма и гражданского общества. Одной из задач исследовательской деятельности в данном случае могло бы стать изучение возможностей, погребенных под этими обломками...

ПРОБЛЕМЫ И ПРЕИМУЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Но где и когда можно, собственно, говорить об исследовательской деятельности? Рассуждая на эту тему, нужно быть предельно внимательным, дабы не способствовать дальнейшему разрастанию связанного с исследованиями хайпа («хайп» – искусственно раздутый модный тренд /прим. переводчика/) и не поддерживать процесс обесценивания термина «исследовательская деятельность».

> **Некоторые проблемы исследовательской деятельности:**

- * Исследовательская деятельность превратилась в ширму для (художественных) проектов.
- * Сегодня едва ли не единственный способ получить для проекта финансирование – это представить его как «научное исследование».

- * Все исследовательские проекты с самого начала оказываются «заражены» типичным жаргоном заявок на получение грантов.
- * Исследовательская деятельность превратилась в своего рода «обязательное упражнение», непременно фигурирующее в учебном плане.
- * Студентов и преподавателей принуждают заниматься исследованиями.
- * Эта навязанная сверху исследовательская деятельность подлежит контролю.
- * Поэтому разрабатываются специальные критерии, позволяющие оценить работу вузов и отдельно взятых студентов. Но в чем измеряется успех исследовательской деятельности? В кредитах и в баллах? При помощи

- экзаменов и оценок экспертов со стороны?
- * Исследовательские проекты оцениваются, точно так же оцениваются и сами университеты, которым таким образом навязывается ситуация конкуренции друг с другом. Осуществляется оценивание специальными фирмами и рейтинговыми агентствами.
 - * Внешние оценивающие инстанции приобретают статус надзорного органа.
 - * Высокие оценки при таком подходе суть производная конформизма и контроля.
 - * А контроль начинается уже на самой первой стадии – когда решается вопрос, какие проекты финансировать, а какие нет; это значит, что у определенных проектов по определению нет никаких шансов, потому что они слишком критичны и не соответствуют господствующей идеологии. Это пример так называемой превентивной цензуры.
 - * Поскольку финансирование выделяют, как правило, только на проекты, обещающие прибыль, уже на стадии подачи заявки акцент делается на шансах получения прибыли.
 - * Прогнозируемость прибыли и предсказуемость результатов противоречат основополагающим принципам, на которых строится исследовательский процесс.
 - * Но самым неприятным последствием всех этих мер является то, что сам исследователь перестает получать какое бы то ни было удовольствие от процесса.
 - * Эти меры сводят на нет радость от преподавания и учебы и противоречат духу свободного экспериментирования.
 - * Исследовательская деятельность в таких условиях становится источником фрустрации. Прощай «веселая наука»!
- > *Преимущества...*
- С другой стороны, с исследовательской деятельностью связан целый ряд преимуществ:
- * Исследовательская деятельность загадочна и таинственна – а значит, опасна! – как путешествие в доселе неизведанные края.
 - * Конечный ее результат непредсказуем, его невозможно ни спрогнозировать, ни гарантировать. Стратегии и методы исследования зачастую выбираются непосредственно во время самого процесса или заимствуются из предыдущих экспериментов. В исследовательской деятельности велика доля импровизации, ее не так легко контролировать, как этого хотелось бы некоторым спонсорам и инвесторам. Так кибернетик Хайнц фон Ферстер подавал заявки на гранты к исследованиям, результаты которых уже были у него в кармане, а из полученных денег финансировал проекты, которые считал нужными.
 - * Исследовательская деятельность, как я ее понимаю, всегда стремится преодолеть свои внутренние границы.
 - * Она также должна рефлексировать внешние ограничения (переменные среды, слепые пятна и контрольные механизмы) с точки зрения их воз

действия на результат и стремиться, по возможности, нейтрализовать это воздействие.

* Исследователь имеет поэтому право прибегать к нетривиальным исследовательским методам: забастовка, обструкция и протест не просто возможны, но и должны восприниматься как полноценные эксперименты, могущие привести к новым интересным выводам.

> **О необходимости исследований в изобразительном искусстве**

Широко распространенным подходом в изобразительном искусстве стало сегодня следование принципу «anything goes» – отсутствие критериев, всеяд-

ность, которые делают все одинаково возможным и одинаково скучным. Дозволено все, пока на свет производится востребованный новый товар.

В такой ситуации искусство подобно моде живет сезонными хайпами, благодаря которым одна вещь начинает казаться предпочтительнее другой. Ценность приобретаемого таким образом художественного опыта весьма и весьма сомнительна; рыночные механизмы зачастую оказываются важнее, чем стремление к творческим инновациям.

Альтернативой искусству, низведенному до роли поставщика-оформителя господствующей рыночной идеологии, должно стать художественное исследование, понимаемое как эпистемологический механизм, как путь к знанию и познанию, как инструмент «вскрытия» мира, как место рефлексии на тему роли искусства, как полотно, способное увлекать.

ТИПЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Далее, сделав самого себя объектом наблюдения, я постараюсь описать свою вовлеченность в три процесса: самоопределение, самоорганизация и исследовательская деятельность. Применительно к исследовательской деятельности предлагаю ввести следующие три категории:

пубертатные, богемные и институциональные исследования.

Категории эти не являются обязательными к употреблению понятиями. Они результат ретроспективной интерпретации моего собственного опыта как художника (и исследователя).

> **Пубертатные исследования**

Опираясь на свой студенческий опыт конца семидесятых, я наблюдаю определенные феномены и методы в изобразительном искусстве, которые можно было бы определить как «пубертатные исследования».

Подобные стратегии были в свое время характерны для панк-движения. Обобщая, можно было бы сказать, что они всегда имеют место там, где мир предстает дефинированным, детерминированным и неприступным.

С раннего детства родители, школа и средства массовой информации рассказывают нам, как надо видеть, называть и интерпретировать мир. У детей зачастую возникает ощущение невозможности субъективного, индивидуального овладения этим «полуфабрикатным» миром. Отсутствуют какие бы то ни было пробелы и свободные места, все забетонировано определениями и понятиями.

Поэтому естественно, что каждое молодое поколение заново пытается обрести себя в этом океане окружающей безвыходности. Но как? Один из способов – использовать в качестве рычага ощущение собственного бессилия: «У тебя нет шансов? Ну, так используй же их!»

Как слабость обратить в силу? Пубертатные стратегии ищут пути отрицания существующих дефиниций, провоцирования и осмеяния ответственных за них инстанций и авторитетов.

* Как обследовать, провоцировать и переступить границы?

* Для этого не обязательно знать чего ты хочешь, а достаточно знать чего ты не хочешь. Незнание становится стратегией: Я знаю, что я не знаю!

* Присвоение средств производства! В конце семидесятых живопись все еще оставалась главной культурно нагруженной дисциплиной. Ситуацию эту несложно было изменить, обратив живопись против живописи. Краска была дешевая, и рисовать можно было быстро, действуя с известной долей непочтительности.

* Один код использовался как оружие против другого. Уродливое прекрасно!

Все эти стратегии – часть процессов, связанных с самоопределением, формированием себя и самоидентификацией. Отказ верить старому порядку вещей менял статус людей, до той поры лишенных голоса.

Эти процессы можно охарактеризовать как экспериментальные исследования. По ряду очевидных причин я называю их «пубертатными исследованиями», хотя отдельные элементы такого рода поведения можно заметить и у совсем маленьких детей, которые ползают по кухне, достают из шкафчика кастрюли и сковородки и громко по ним колотят... Мама ругается и ставит кастрюли на место, но не проходит и пяти минут, как сцена повторяется снова. И так много раз, пока разъяренная мать не принимает, наконец, радикальных мер.

В этой ранней фазе экспериментальных исследований мы пробуем мир на зубок, «причесываем» его против шерсти, восстаем против общепринятых правил и обследуем границы власти.

Подобная исследовательская модель весьма популярна в немецких академиях искусств. Большинство художников следуют ей всю жизнь, потому что она подчеркивает образ художника как гениального дилетанта, который по определению «пубертатен», антиавторитарен, своеобразен, предельно субъективен, предельно индивидуалистичен и, в известном смысле, наивен.

В силу вышеназванных причин, пубертатные исследования не подпадают под определение исследовательской деятельности в узком понимании. Отсутствует рефлексия, практически отсутствует оценочная шкала, а также осознание своей роли как исследователя и размышления по поводу этой роли.

> *Богемные исследования*

В начале девяностых в Кельне по адресу Фризенвалль 120 находилось пустующее магазинное помещение, которое мы с художниками Йозефом Штрау, Нильсом Норманом, Кираном Кослой и Мерлином Карпенгером оборудовали под свои нужды.

Нам с самого начала была чужда идея галереи – как обычной, так и управляемой и финансируемой художниками (выставляющими там, как правило, свои работы и работы своих друзей). В наших глазах подобная структура ассоциировалась не столько с самоорганизацией, сколько с желанием благоустроить свой быт, иными словами, с попыткой скопировать структуры и методы коммерческого искусства и стать его частью.

Не желая идти проторенными путями и отвергая вышеупомянутые форматы, мы, прежде всего, должны были разобраться в том, как художественные объекты, товары и их восприятие определяются этими нормативами. Наш полупубличный статус позволял нам экспериментировать с особенностями помещения и создавать ситуации,ощущающие творческий обмен и участие в коллективных экспериментах.

Помещение стало для всех нас местом встреч, совместного времяпрепровождения и работы. Вокруг этих трех видов деятельности образовалась некая творческая среда, тусовка, которая, в свою очередь, также стала формирующей силой, создававшей помещение. Это взаимное формирование можно было определить как самолегитимацию в сочетании с процессами создания, организации и роста.

Одновременно с этим помещение функционировало как архив, документировавший старые акции и служивший источником вдохновения для новых.

Вскоре мы обнаружили существование других независимых проектов. Это были малотиражные журналы и арт-центры в Вене, Гамбурге и Берлине, а также электронная сеть «The Thing», созданная группой художников.

Используя термин, введенный в обиход Форманном и Шюттпельцем, я называю подобного рода деятельность «богемными исследованиями».

* Потому что протекает она в «богемном» контексте.

* Участники являют собой группу, функционирующую по принципу большой семьи. Их объединяет интерес к похожей проблематике, при этом у каждого

свои уникальные знания и опыт. Чтобы взаимное притяжение породило интересный, самобытный дискурс, участники должны достаточно сильно отличаться друг от друга и в то же время быть в чем-то похожи.

* Присутствие всех этих факторов делает возможной продуктивную совместную творческую деятельность, которую я называю «исследованиями».

* Деятельность осуществляется по собственной инициативе, ее особенности определяются групповой динамикой.

* Речь зачастую идет об исследовании проблем по сути своей очевидных и непосредственно продиктованных практикой повседневной жизни. Это исследование жизни методами самой жизни.

Почти все авангардные группировки 20-го века (сюрреалисты, ситуационисты, «Коммуне 1» и т.д.) практиковали подобные методы коллективных исследований.

Эти исследования оперируют критическими инструментами самонаблюдения и самоанализа (архивы, протоколы и дневники), стратегиями планирования и четкими методиками проведения экспериментов. Имеется оценочная шкала, позволяющая анализировать данные и готовить базу для новых экспериментов. Одним словом, присутствует исследовательский дух и осознание особенностей исследовательского процесса.

Эта фаза богемных исследований стала для меня неоценимым опытом и очень многому научила. Это была моя академия, мое художественное образование! Самоорганизация, как я ее понимаю, есть, в первую очередь, акт самообразования и самовоспитания, аналог учебы

в академии. Эта мысль побудила меня поразмышлять на тему академии и ее истории:

> **Институциональные исследования, экскурс**

Говоря об историческом становлении таких учреждений, как академия искусств и университет, следует учитывать различия в методах преподавания и производства знаний.

Университет в своем развитии пережил три фазы:

- * В эпоху схоластики основным содержанием образования было толкование и обоснование христианских догм.
- * В университете гумбольдтовского типа исследовательская деятельность ста-

ла неотъемлемой частью процесса индивидуального самообразования. При этом исследования, преподавание и учеба были неразрывно связаны между собой, представляли единое целое. С появлением семинара особое значение стало придаваться работе в группах и свободному, по возможности неиерархическому, обмену мнениями.

- * С началом Болонского процесса модель эта находится в стадии трансформации, четкого видения новой роли университетов до сих пор не сформировалось:

** Можно ли утверждать, что университет – открытая система, стимулирующая возникновение сообществ вокруг производства знаний?

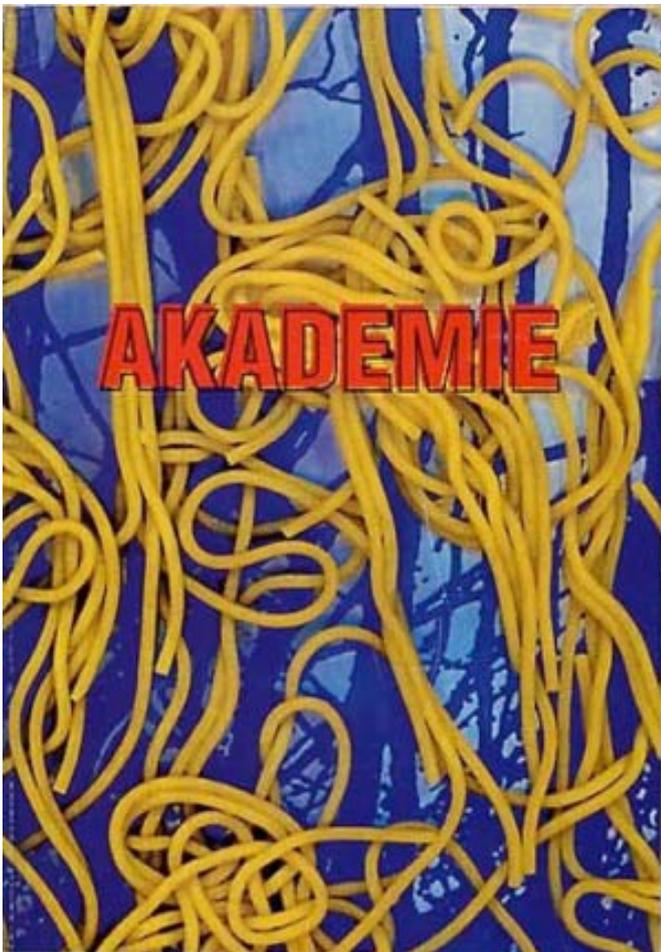
** Или наоборот это, по определению, скорее закрытая система, извлекающая выгоду из ограниченного доступа к образованию и исследованиям?

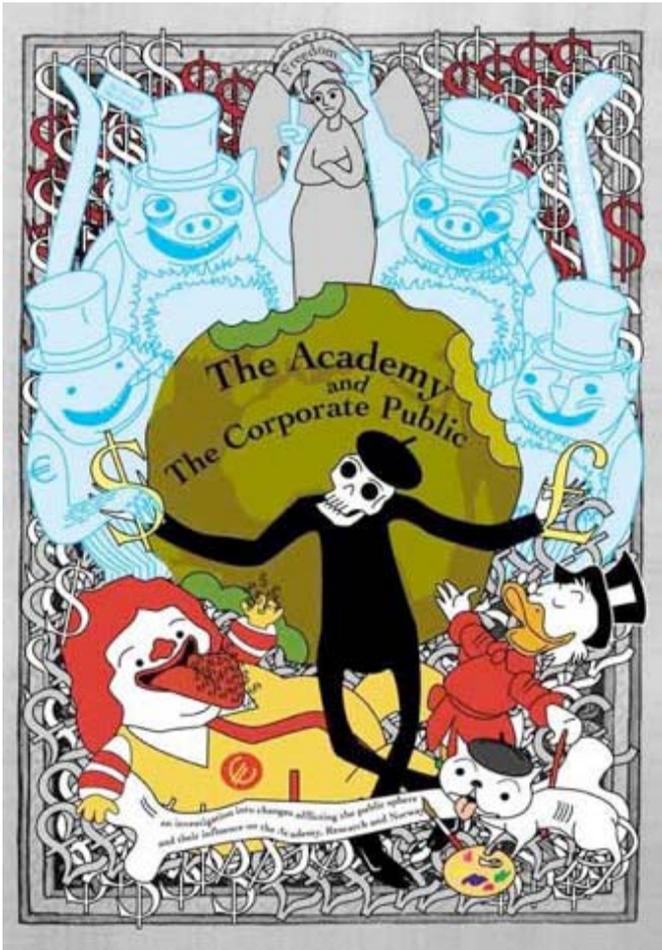
** Суждено ли университету окончательно превратиться в фирму, предлагающую услуги: эффективный профессиональный тренинг в концерне по торговле знаниями?

Образование в академии с самого начала строилось на других принципах.

* Первая академия являла собой рощу, в которой Платон прогуливался и вел ученые беседы со своими учениками.

* На волне интереса к Платону в эпоху Ренессанса пережила второе рождение и введенная им некогда в обиход непринужденная модель преподавания и учебы. Академии этого второго периода именовали себя «Учеными обществами любителей и дилетантов».

Их собрания являли собой неформальные мероприятия, проходившие в импровизированных местах и ограниченные по времени. Их целью было, в числе прочего, избавление от гнета старых цеховых институтов, и цель эта, в конечном счете, была достигнута. В скором времени под эгидой самоорганизованных «Ученых обществ любителей и дилетантов» стали возникать собственные образовательные учреждения, по аналогии с Платоновской Академией.

* Эти образовательные учреждения все больше формализовались и институализировались, и уже сто лет спустя академия периода абсолютной монархии следовала строго прописанным художественным правилам и имела четкую структуру и систему оценок.

Картина получается знакомой: технократической реинкарнацией академии абсолютистской эпохи стал Болонский процесс. Тогда, как и сегодня, академия снабжала сильных мира сего сезонными стилями и поставляла эстетическое «know-how» для оформления изделий, чтобы сделать их привлекательнее для (заграничных) рынков.

* Художники эпохи романтизма, восстав против этого технократического, утилитарного образования, выступили за возвращение к образовательной концепции средневековой мастерской, где у мастера была монополия на подготовку учеников.

Поскольку романтический автопоэзный гений не может учить других, как стать романтическим автопоэзным гением, академия по сей день так и не выработала методики преподавания и исследовательской концепции.

Основным содержанием преподавания в академии остается подражание стилю и манере гениальных мастеров, а сама академия – местом «романтического» копирования.

В противоположность такому подходу, академия видится мне

* временным, импровизированным, самоорганизованным коммуникативным сообществом;

* академия не как учреждение, а как деятельность: «Пройти академию!»

Академия как форма по возможности неиерархического обмена мнениями и опытом с единомышленниками, процесс самоопределения.

> **Институциональные исследования в сфере искусства**

После того как я издал книгу, посвященную идее самоорганизующейся, неформальной академии и разрекламировал ее подобно странствующему проповеднику, мне предложили профессию в Академии искусств в Бергене (Норвегия). И вот я сидел и размышлял о том, какой от данного заведения, собственно, может быть толк – коль скоро академия у каждого, как мы выяснили, своя.

Примерно в это самое время Kunstgskolen i Bergen (Бергенская академия искусств) получила кучу денег на исследования и к преподавателям обратились с призывом придумывать исследовательские проекты.

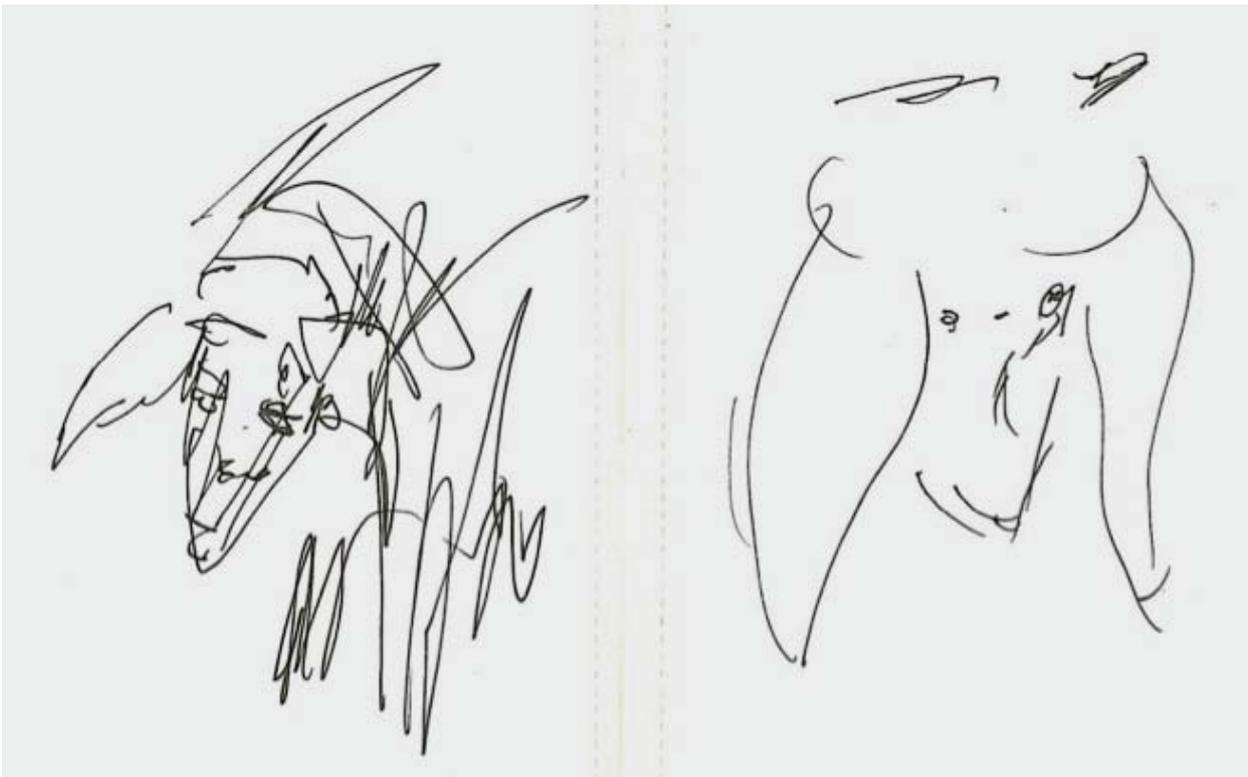
В качестве консультанта по исследовательским вопросам мне порекомендовали Халину Дузин-Войзет, которая должна была объяснить, как структу-

рировать исследования в университетском контексте:

* «Университетское исследование мы обычно начинаем с постановки проблемы», – начала она свой рассказ. (На что я заметил, что проблем у меня много).

* Далее мы смотрим, кто уже трудился над решением данной проблемы, как он это делал и к каким пришел результатам. (Это показалось мне логичным).

* Данное изыскание является, однако, еще не самим исследованием, а лишь первым необходимым шагом, именуемым «сбор материала». Сбор материала – это аккумуляция существующих знаний, в то время как исследование есть приближение к чему-то доселе несуществовавшему. (Интересная мысль! Энное количество художников занималось на тот момент сбором материала по целому ряду проблем, и то,

что они в итоге демонстрировали, и был зачастую этот самый собранный материал. Так это, получается, не исследования!?)

- * Исходя из собранного материала, можно сформулировать особый подход к проблеме, дающий представление о том, как исследователь намеревается идти к ее решению. Это называется *status quaestionis* или «состояние исследований». (Ага, предмет исследования определяется на основании собранного материала).
- * Далее исследование ведется методами, типичными для данной дисциплины. (Художники должны, очевидно, пользоваться художественными методами!)
- * Интердисциплинарность хороша не всегда, а лишь тогда, когда рамки собственной дисциплины становятся слишком тесными. (Для этого должна изначально наличествовать сама дисциплина и соответствующие специальные знания).
- * Главной составляющей исследовательского процесса является эксперимент! Он необходим, чтобы убедиться в том, что выбранный путь ведет к решению проблемы, и проверить, не изменится ли в процессе исследования сама постановка проблемы. Девяносто процентов опытов, скорее всего, не удадутся, но это не страшно – на то ведь они и «эксперименты» (Это меня радует!)
- * Анализ исследовательского процесса и оценка экспериментов чрезвычайно важны для проекта. Только так возможны дальнейшие поиски. На пути в неизведанные дали исследователю, вероятно, придется провести целую

серию опытов и проанализировать их результаты. (Но кто, собственно, оценивает ход экспериментов?)

- * Оцениваются эксперименты, само собой, в первую очередь, самим исследователем и его группой. К ним затем присоединяются избранные эксперты в данной отрасли, а также официальные институции и институциональные критики. И это соотносится с концентрическим ростом перепроверок, критических высказываний и общественного резонанса.
- * Выставки, манифесты, критические отзывы, брошюры, книги, интернет-сайты и плакаты могут, являясь составной частью экспериментов, в то же время способствовать увеличению общественного резонанса от проводимых исследований.

Ознакомившись с концепцией институциональных и университетских исследований, я, к своему удивлению, должен был признать, что все услышанное было полностью применимо к моей собственной художественной практике и генезису искусства как таковому.

**ЧАСТЬ II – THE ACADEMY AND THE CORPORATE PUBLIC
(АКАДЕМИЯ И КОРПОРАТИВНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ)**

Целью начатого в Бергене проекта было проследить, как сказываются вызванные глобализацией, приватизацией и корпоративизацией сдвиги в понятии «общественность» на художественных процессах.

Бытовавшее доселе представление о какой-то идеальной национальной общественности, которая способствует рождению публичного дискурса, изжило себя. Сегодня мы имеем дело не с одной, а с целым рядом «общественностей», формирующихся по субкультурным, этническим, половым и классовым признакам, наслаивающихся друг на друга, перемешивающихся и вступающих друг с другом в конфликт.

Но что же объединяет все эти фрагменты общественности? Общим знаменателем является, на мой взгляд, тот факт, что каждый из них либо представляет собой некий рынок, либо рынком становится.

Сумму всех этих фрагментов я называю «Corporate Public» (корпоративная общественность). Она находится в состоянии прямой зависимости (и в противоречии) с корпоративной экономикой. Итак, можно ли утверждать, что единственным пространством, где формируется сегодня «суммарная» общественность, является рынок? И что это означает для искусства?

**Современные дистопии:
спонсоринг, брэндинг,
корпоративная социальная
ответственность**

Но как получилось, что просто общественность превратилась в общественность корпоративную? Как возникла эта самая «Corporate Public»? Спросите меня, я живой свидетель!

**В 1980-е годы у нас был
СПОНСОРИНГ:**

Концерны играют здесь еще относительно пассивную роль, выступая в качестве покровителей искусств, якобы альтруистических меценатов. При этом давно доказано, что спонсоринг являет собой наиболее совершенную форму рекламы, позволяющую напрямую обращаться к целевым группам.

С годами лого фирм (равно как и их эго) становятся все заметнее, а государственная и муниципальная поддержка все более скудной. Государство явно радо, что может переложить ответственность, в том числе и за принятие решений, на частные организации. С уменьшением господдержки растет зависимость от частных спонсоров. И это проблема!

Поскольку участие спонсоров обусловлено исключительно имиджевым щегольством и экономическим расчетом, решения по поддержке тех или иных проектов принимаются односторонние и произвольные. Демократическая легитимация и долгосрочные гарантии финансирования, как правило, отсутствуют. Там, где все зависит от благосклонности спонсоров, финансирование всегда висит на волоске, что дает спонсору дополнительные возможности влияния и контроля над финансируемыми проектами.

Потом в 1990-е годы пришел БРЭНДИНГ:

Концернам теперь мало просто использовать в рекламных целях тот факт, что они поддерживают авангард, они сами желают стать авангардом! Творческие приемы и прогрессивные стратегии субкультурных группировок берутся, зачастую без спросу, на вооружение отделами маркетинга. Концерны достаточно долго поддерживали и изучали художников, теперь они могут позволить себе сами вести себя как художники, наделяя дешевые продукты посредством художественных стратегий небывалой добавленной стоимостью. Марка функционирует при этом как своего рода подпись художника, «облагораживая» продукт.

Термином КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ (CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY, сокращенно CSR)...

...описывается политика частных фирм по поддержке социальных учреждений и частичному перениманию функций публичных институций. На рубеже веков концерны начинают играть в «добрых самаритян» и выступать в роли гарантов, курирующих социальные проекты: McDonald's открывает детскую больницу, Shell изображает из себя спасителя окружающей среды, в Берлине университетскую библиотеку переименовывают в Библиотеку «Volkswagen», а Siemens заботится о будущем академий искусств... Знакомая картина!

Пока мы оцепенело наблюдаем за происходящим, у нас на глазах происходит приватизация общественной жизни... Как объяснить это наше оцепенение?

Корпоративное образование (Corporate Education)

Когда корпорации начали кампанию по установлению контроля над воспитанием, образованием и подготовкой кадров,

- * их целью было не только превратить университеты в новые рынки для своих продуктов,
- * не только получить прибыль от образовательных процессов,
- * их подлинной целью было использование образования и вузовских структур, чтобы привить будущим поколениям «новый дух капитализма».

ОБРАЗОВАНИЕ КАК УСЛУГА:

- * Забудьте об образовании! Университеты превращаются в центры по передаче формального знания. Гумбольдтовская концепция неразрывной связи преподавания и науки отменяется. Преподавание становится услугой, исследовательская деятельность переводится в концерны.
- * Студенты выступают в роли пользователей, потребителей платных услуг, их рассматривают как «человеческий капитал», который может приносить прибыль.
- * При этом корпоративное образование планомерно формирует свои активы, измеряемые производительной ценностью, гибкостью и доступностью человеческого капитала. Для этого «активы» должны научиться определять себя как товар, самостоятельно активировав, рекламируя и продавая свои социальные навыки и формальные знания.

- * Они также должны научиться воспринимать подобное существование как *conditio sine qua non* (непременное условие) и идентифицировать себя с институтами, от которых они получают финансовую поддержку.

Внедрение новых структур

Вместо того чтобы быть пространством для «формирования себя», для дискуссий и для критического анализа, университет превращается в инструмент по созданию новой идеологии. И это процесс, пропагандирующий тотализацию рынка, сам по себе уже является прибыльным рынком.

Существующие структуры соответствующим образом модифицируются:

- * Бакалавриат являет собой базовую квалификацию, сулящую будущим гибким «производителям благ» некие перспективы на рынке труда. Планка при поступлении относительно невысокая, состав участников широкий, в итоге – относительная доступность.
- * Идущая за бакалавриатом магистратура – это уже подготовка избранных: «призванные» получают профессиональную квалификацию, соответствующую их «призванию». Доступ порядком ограничен и открыт лишь тем, кто может это себе позволить. Лишь от 40 до 60 процентов студентов-бакалавров должны иметь возможность подняться на следующий, «элитный» уровень. Здесь-то и проходит истинная граница рентабельности.
- * Активно осваиваемым новым рынком является так называемое «непрерывное образование» – «Liefelong Learning», сокращенно «LLL». Знания должны постоянно актуализироваться. Чтобы оставаться конкурентоспособным, профессионалу нужны подтверждаемые сертификатами «апдейты». На протяжении всей своей профессиональной жизни, а в идеале – и по окончании активной ее фазы, он должен регулярно подпитываться новыми продуктами из области знаний. «Апдейты» эти могут стоить весьма приличных денег. Но это не страшно, ведь у клиента, как правило, уже есть профессия, а значит, он может себе это позволить.

Мы становимся свидетелями претворения в жизнь всеобъемлющей концепции платного снабжения знаниями. От

колыбели до гроба человеку предлагается сначала создавать себя как продукт посредством образования, затем выводить этот продукт на рынок, а дальше, перманентно «омолаживая» его, всю жизнь заниматься его сбытом.

Университеты превращаются в корпорации

В условиях неэкономии «фабрика знаний» образца 1970-х годов переживает серьезные метаморфозы. Университеты превращаются в акционерные компании, самостоятельно оперирующие на глобальном рынке. Они осваивают новые рынки, создают сообщества и дочерние фирмы, продвигают себя как марки.

Чтобы преуспеть в этом, они тесно сотрудничают с консалтинговыми компаниями (такими, как «McKinsey», «Roland Berger» и «Ernst & Young») и реализуют программы по структурной оптимизации, используя стандартные экономические методы: «реинжиниринг бизнес-процессов», «даунсайзинг», «аутсорсинг», «слияния и поглощения», «брендинг», «франчайзинг»...

Вопросы: Кто выступает партнером корпоративного университета в работе над исследовательскими проектами? Кому будут принадлежать патенты, полученные по результатам этих исследований? Кому будет разрешено заниматься распространением добытых знаний? У кого будет доступ к этим знаниям?

Репродуцируется новая тотальность.

Итак, неолиберальная экономика становится господствующим принципом, определяющим функционирование университетов. Аналогичные процессы происходили в последние годы в других социальных областях. Через головы де-

мократически избранных правительств и их правовых систем концернам при помощи супранациональных организаций и соглашений (ВТО, ГАТТ, а с недавних пор и ГАТС) удалось оккупировать практически все рынки и публичные службы.

Это зашло так далеко, что приватизируются даже базовые ресурсы и инфраструктура, необходимые для нормального функционирования общества (воздух, вода, энергия, жилье, медиа, здравоохранение, больницы, дома престарелых). Если считать, что мы (все еще) живем в демократически организованном обществе, эти мероприятия по приватизации следовало бы приравнять к экспроприации общественной собственности.

Еще несколько лет назад перенимание корпорациями государственных функций воспринималось исключительно в контексте имеджмейкинга и брендинга: государственная власть превращается во власть концернов! Однако сегодня концерны проникли в общественную ткань гораздо глубже, чем это когда-либо могло быть под силу государству: сегодня концерны стали неотъемлемой составляющей всех нас!

Мы перманентно потребляем корпоративное! Мы одеваемся в корпоративное, едим и пьем корпоративное, любим корпоративное, видим, думаем, совершаем и ощущаем корпоративное...

На фоне того факта, что супранациональным концернам уже и так принадлежат все рецепты, патенты и авторские права, захват репродуктивной сферы, то есть образовательных учреждений, означает, что этот «новый дух капитализма» будет определять сознание грядущих поколений. Эта новая идеология будет самовоспроизводиться на манер

вживленного генетического кода. Все структуры запрограммированы соответствующим образом, возврат к исходному состоянию невозможен.

Я уже вижу себя частью новой тотальности – что явно отдает паранойей. Я знаю, что я ничего не знаю.

Общество знаний – открытый источник, открытый доступ

Знание не похоже на другие ресурсы. Андре Горц пишет:

- * Знания не обычный товар.
- * Знания чудесным образом размножаются, если делиться ими с другими.
- * Чем больше знаний человек использует, тем больше знаний он производит.
- * Распространение знаний увеличивает их действенность.
- * Знаниям нельзя подобрать денежный эквивалент.
- * Их приватизация уменьшает их количество и противоречит их сути.

В эпоху иссякающих ресурсов чудесные свойства знаний как нельзя более кстати. Чем больше ими пользуются, тем их становится больше! Запасы их никогда не закончатся! Их ценность не измеряется деньгами! Какой может быть патент на « $1 + 1 = 2$ »? Сколько стоят формулы Эйнштейна?

Чтобы, следуя капиталистической логике, извлекать из знаний выгоду, нужно ограничить к ним доступ. Базовое обеспечение знаниями должно стать платным: чем больше знаний – тем дороже, ведь знания повышают квалификацию! Исследования должны вестись в закрытых сообществах, а добытое ноу-

хау защищаться патентами и авторскими правами...

Считается, что знания – это нефть 21-го века. И вот уже мы становимся свидетелями их приватизации и борьбы за контроль над их распространением. Власть над университетами, патентирование, в том числе живых существ, распространение авторского права на все области производства знаний суть стратегии приватизации, целью которых является извлечение выгоды из дефицита.

Все эти меры идут рука об руку с попытками установить контроль и наблюдение за всеми каналами коммуникации, ибо и там тоже производятся и распространяются знания: Интернет, телевидение, телефон, печатные СМИ и публичное пространство.

ВЫВОД

Итак, художники и исследователи, ученые, студенты и преподаватели, с кем вы?

Кто мы? Новые придворные художники, потворствующие господству нового капитализма и сопровождающие своими произведениями его триумфальное шествие по планете?

Исследования, как мне кажется, по определению не могут быть нейтральными или «зацикленными» сами на себе. Исследования должны выявлять и критически анализировать противоречия этого мира и пытаться его изменить. Средством к этому являются добытые знания, эксперименты и борьба!

Итак, исследования в рамках институций необходимы, но, увы, они крайне ограничены институциональной логикой. И поэтому я призываю богему к оружию!

Богемные исследования приобретают новую, важную роль, становясь последним убежищем неограниченного производства знания.

Богемные исследования (как мы помним) построены на принципе самоорганизации:

- * Они продиктованы самой жизнью и проистекают из личной потребности.
- * Они сфокусированы на изучении животрепещущих проблем.
- * Они являют собой точку кристаллизации критической мысли, последним прибежищем политического инакомыслия и критического анализа, неподконтрольного тотальному социальному контролю.

Конфликты обостряются все больше и больше; очевидно, что мы и дальше будем жить на руинах патриархата и неолиберализма. Чтобы добиться рождения из этой почвы чего-то нового, нужно немалое терпение.

- * Как заложить прочный фундамент для долгосрочного знания, доступного для всех – знания, которое мы совместными силами будем развивать и приумножать дальше?
- * Чем отличается это знание от того, чем занимается элитарное, технократическое, самозванное «ученое сообщество», пытающееся всем завладеть и над всем установить контроль, игнорируя миллиарды людей, которые изо дня в день должны делать для этого черную работу?
- * Нам нужны исследования, ведущие к коренным социальным преобразованиям.
- * При этом важны символические жесты; общественный интерес к науке и искусству необходимо использовать. Но этого мало!
- * Исследования должны покинуть стены солидных институций и выйти на улицу. Исследователи должны занять активную позицию и защитить от повальной приватизации свой главный ресурс – знания. Никаких патентов, никакого авторского права, никаких ограничений доступа!

Мы должны бороться с приватизацией, создавать коллективные «уголья» и учиться делиться друг с другом. Чтобы расти, знание должно стать доступным для всех.

Сделать предстоит еще очень много, и исследования в данном направлении необходимы нам сегодня как никогда!

Перед нами лежит долгий путь. Это совершенно новая игра – она стоит немалых усилий, но сулит огромное удовольствие!

**Итак, друзья мои, за дело!
Прямо сейчас!**

2010 Штефан Диллемут

